

Очевидно, это был вопрос, но в тоне утверждения.

Кроме Цзян Цяньфаня, она не могла думать ни о ком другом.

Линь Кэсун сглотнула слюну, ее плечи напряглись. Она не знала, почему она так боялась Цзян Цяньфаня, это настроение было совсем не таким, как при встрече с учителем, когда она прогуляла урок.

Через две-три секунды Линь Кэсун вернулась к двери и включила свет. Цзян Цяньфань, сидевший на диване, все еще был одет в тот же костюм, и плотно застегнутый воротник рубашки заставлял Линь Кэсун чувствовать себя так, словно душили не собеседника, а ее собственную шею. Его руки были сложены на верхней части трости, и его величественная сидячая поза добавляла немного угнетенности.

— Господин Цзян... ты еще не спишь? — спросила Линь Кэсун, не совсем понимая, в чем дело. Может быть, Цзян Цяньфань ждал ее?

— Ты думаешь, что в Вашингтоне безопасно, законно и упорядоченно, как в райском уголке?

Линь Кэсун покачала головой.

— Тогда ты знаешь, который сейчас час? — Каждое предложение, произнесенное Цзян Цяньфанем, было недлинным, но производящим впечатление.

— Двадцать минут одиннадцатого.

— Я не думал, что вид ночного дождя в Вашингтоне настолько завораживает, что можно бродить и забыть о возвращении.

Подтекст в словах Цзян Цяньфаня был очень ясен. То есть, на улице явно шел дождь, так куда же ты, Линь Кэсун, пошла, чтобы побродить вокруг, не торопясь вернуться?

— У меня не было с собой зонтика, поэтому я была в торговом центре и пыталась переждать дождь, чтобы он ослаб, прежде чем вернуться... но я не ожидала, что дождь будет идти без остановки...

— Ты думаешь, что я не смогу различить твою ложь, не так ли? — Голос Цзян Цяньфаня был таким холодным, что пробирал до костей.

Линь Кэсун почувствовала, что все вокруг охвачено огнем. На улице шел дождь, она бродила вокруг, не желая возвращаться, не из-за этого ли парня перед ней? Неужели он умрет, если не увидит ложь? Он не может видеть, поэтому он не знает, что значит «закрывать глаза» на что-то?

— В любом случае ты не желаешь меня видеть, поэтому то, что была на улице, должно соответствовать твоим желаниям, не так ли? Господин Цзян, если тебя что-то во мне не устраивает, пожалуйста, скажи мне об этом прямо!

«Ты и так достаточно холоден, если ты еще используешь холодное насилие в обращении с другими, то это уже вдвойне тяжело».

— У меня нервный срыв, извини, что доставляю тебе неудобства. — Слова Цзян Цяньфаня были короткими, но они произвели роковой эффект.

Линь Кэсун внезапно поняла, что он действительно слышал ее разговор с Сун Ижанем в тот день. Но она просто разговаривала, он слышал ее на таком расстоянии? Что это за слух такой!

Цзян Цяньфань уже встал и направился в свою спальню. Линь Кэсун машинально последовала за ним, но только когда она вошла в спальню собеседника, она почувствовала смущение.

Что она должна была сказать? «Прости, я не должна была говорить, что у тебя нервный срыв»? Или сказать: «Извини, я тебя неправильно поняла, на самом деле у тебя нет нервного срыва»? А может: «Это у меня был нервный срыв, не обращай внимания»?

Ай! Нервные срывы убивают людей!

В это время Цзян Цяньфань повернулся спиной к Линь Кэсун, расстегнул костюм, снял пиджак и медленно пошел в сторону гардероба. Она знала, что должна подойти и помочь ему повесить одежду, но она не могла сдвинуться с места.

— Это... Я знаю, что у тебя очень острый слух. Так что то, что для обычного человека звучит тихо и не влияет на отдых или мысли, для тебя... на самом деле очень громко. Хотя я понимаю это, у меня нет возможности сопереживать этому... поэтому я... не думаю, что у тебя «нервный срыв» ... Я просто выговорила другу и на мгновение не смогла найти другого более подходящего способа описать это... Я не испытываю к тебе ненависти или неуважения... даже за твоё стремление к совершенству. Хотя я сама не способна на это, но я действительно восхищаюсь тобой. Так что прости.

Линь Кэсун произнесла длинный абзац, и, закончив, она поняла, что ее разум просто пуст. Она даже не помнила, что сказала, кроме последнего слова «прости».

Цзян Цяньфань никак не отреагировал. Это заставило Линь Кэсун почувствовать беспокойство. Почему он ничего не сказал, почему не занял позицию? Или она просто сказала что-то еще, что еще больше разозлило его? Неужели это было нечто большее, чем просто «нервный срыв»?

Ах! О нет! Тот психотерапевт, должно быть, рассказал Цзян Цяньфаню о том, что она сказала! Вот как он умеет «держат рота на замке»! Замок уже давно сломан! Неудивительно, что Цзян

Цзяньфань был так холоден, он, должно быть, затаил на нее обиду!

— Это... чистоплотность и ОКР на самом деле не имеют большого значения! Это хорошо — любить чистоту! — Линь Кэсун отчаянно пыталась придумать, что сказать, чтобы Цзян Цзяньфань наконец почувствовал ее «сочувствие».

Глаза Цзян Цзяньфаня различали только свет и тень, и чаще всего для восприятия одной и той же вещи, помимо осязания, слуха и обоняния, ему приходилось строить воображение поверх этих чувств. Вероятно, в глубине души он испытывал определенное недоверие к миру, который не мог воспринимать насквозь. Это недоверие заставляло его стремиться к чистоте и опрятности.

— На самом деле, ты не такой уж навязчивый и компульсивный. Тебе только нужен тот, кому ты можешь доверять. Раз уж ты открыл свое сердце, твоя терпимость к окружающей среде даже выше, чем у меня.

Как в тот раз, когда она вела его, протискиваясь сквозь толпу в поезде, где были всевозможные запахи. Сталкиваясь с различными людьми в вагоне, Цзян Цзяньфань был спокоен, даже брови не поднимались.

— И твое стремление к совершенству вкуса на самом деле не является признаком обсессивно-компульсивного расстройства. У любого мастера своего дела есть свое собственное стремление к совершенству. Эта целеустремленность, которая выше, чем у любого среднестатистического человека, позволяет им продвинуться намного дальше. И я, как всего лишь обычный человек, от твоей преданности делу чувствую себя пристыженной... хотя я и не знаю, откуда берется этот стыд... поэтому я ненавижу твою преданность делу, твой перфекционизм. Но я также восхищаюсь тобой за все это.

Линь Кэсун поджала губы, думая, что Цзян Цзяньфань сейчас выставит ее из комнаты. Как может ученик критиковать своего учителя за «невротизм», «помешанность на чистоте» или «ОКР»? К счастью, она еще не сказала «антисоциальный». «Надеюсь, Цзян Цзяньфань автоматически проигнорировал это».

— Изначально я думал, что у меня «нервный срыв». Теперь я знаю, что у меня также помешанность на чистоте и обсессивно-компульсивное расстройство.

Сердце Линь Кэсун заколотилось.

Что? Доктор Се не говорил об этом? Если нет, то почему Цзян Цзяньфань молчал и ничего не говорил? Это специально, чтобы вырыть могилу, в которую она может прыгнуть? Почему она не могла просто промолчать?

— Но то, что ты сказала раньше, это твои честные слова.

Линь Кэсун замерла, глядя, как Цзян Цяньфань расстегивает одну за другой пуговицы на рубашке. Длинная и плавная линия его шеи становилась все более заметной. Изгибы его груди под слегка расстегнутой рубашкой выглядели загадочно и чувственно.

— Прости... — Мысли Линь Кэсун были пусты, в них было только это слово.

— Если ты говоришь мне правду, то нет необходимости извиняться. В будущем не задерживайся допоздна, чтобы вернуться домой. Особенно в совершенно новом для тебя городе.

В этот момент Линь Кэсун поняла, что Цзян Цяньфань действительно сидел на диване и ждал ее возвращения.

— Почему ты все еще здесь стоишь?

— А?

Только когда Цзян Цяньфань полностью снял рубашку, обнажив сильную, но не перекаченную спину, она поняла, что собеседник собирается принять душ.

— Спокойной ночи, господин Цзян!

Линь Кэсун поспешно вышла, закрыв за собой дверь. Прислонившись к двери, она наклонила голову и выдохнула. К счастью, Цзян Цяньфань не испытывал к ней ненависти.

Когда она только вышла из ванной, в комнате зазвонил телефон.

— Алло?

— Линь Кэсун, зайди почитать новости. — Холодный голос, повелительный тон, кто еще это мог быть, кроме Цзян Цяньфаня?

— Что? — Линь Кэсун задумалась, нет ли у нее проблем с ушами. Или у нее были слуховые галлюцинации?

Было уже одиннадцать часов вечера, Цзян Цяньфань не спал, какие еще новости?

Прежде чем она успела внятно спросить, телефон уже повесили. Линь Кэсун сидела у изголовья своей кровати, ошеломленно застыв на пару секунд, а затем сильно ударила кулаком по матрасу — действительно сумасшедший! Псих! В будущем она не будет сдерживаться в критике в его адрес!

Линь Кэсун обняла планшет, который ей вручил Майер, и постучала в дверь Цзян Цяньфаня.

— Войди.

Линь Кэсун осторожно вошла. Посреди большой двуспальной кровати сидел Цзян Цяньфань, одетый в чистый белый халат. Его волосы еще не совсем высохли, он поднял голову, пальцы осторожно приподняли волосы, обнажив благородный лоб. Ресницы, слегка поникшие, были похожи на крылья цикады, ожидающей бури. Воротник халата был изначально довольно свободным, линии ключиц были хорошо видны.

Все это отражалось в глазах Линь Кэсун, влажные волосы, тонкие пальцы и даже приподнятая линия губ стали необычайно сексуальными.

— Господин Цзян, какие новости ты хотел бы услышать? — Линь Кэсун знала, что даже если она напомнит ему, что уже поздно, собеседник не изменит своего решения. Казалось, «холодная война» между ними закончилась.

— Открой домашнюю страницу «Гурмана», найди отзывы об отеле «Синъюэ».

— О, хорошо.

Линь Кэсун поискала на сайте и нашла три отзыва. Открыв первую статью, она обнаружила, что в ней целых семь или восемь страниц, и в ней комментировалось каждое блюдо в ресторане, даже холодные блюда.

Линь Кэсун бросила взгляд на Цзян Цяньфаня и подумала, как долго ей еще придется читать это? Неужели сегодня опять не удастся выспаться? Или это новый способ наказания, который придумал Цзян Цяньфань, наподобие восьми мисок капустного супа с мятой?

Линь Кэсун открыла вторую статью, она была все такой же ужасной и длинной. Эти критические статьи были рецензией на изысканные блюда или на фильмы?

— Читай, — раздался голос Цзян Цяньфаня.

<http://tl.rulate.ru/book/12730/2926586>